

© 1997 г. М.Ю. ЧЕРТКОВА, В.А. ПЛУНГЯН, А.А. РЯБЧИКОВ, Д.О. КУЗНЕЦОВ

ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ АСПЕКТОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

Идея предложить специалистам разных стран мира краткую аспектологическую анкету возникла в рамках аспектологического семинара, который действует на филологическом факультете МГУ с ноября 1994 г.¹

Стремясь к более широкому обмену мнениями между аспектологами разных стран и научных школ, мы решили пригласить специалистов изложить свою точку зрения по поводу современного состояния исследований в области общей и славянской аспектологии, а также ряда классических "трудных проблем" аспектологии.

Наша небольшая анкета была разослана в декабре 1995 г. – январе 1996 г. Предлагалось ответить на все или некоторые вопросы анкеты, а также добавить к списку вопросов и другие, если они представляются заслуживающими обсуждения.

Ответы на предложенную анкету были получены от 35 исследователей из 13 стран².

Вначале два общих замечания, касающихся полученных ответов.

1) Разными авторами ответы были даны, естественно, с разной степенью подробности. В данном обзоре, по необходимости являющемся лишь кратким и самым общим резюме полученных ответов, мы ставили задачу отразить прежде всего основное содержание, стараясь не упустить при этом ничего, что нам представлялось существенным.

2) Некоторые из предложенных в анкете вопросов были истолкованы специалистами по-разному, и в обзоре мы стремились это также отметить.

Первая группа вопросов (общие проблемы аспектологии)

1. В чем вы видите основную трудность описания категории вида (аспекта) в славянских языках?

Ответы на данный вопрос можно разделить на две большие группы, в зависимости

¹ На семинаре обсуждались проблемы общей, славянской и русской аспектологии, преподавания русского языка и др. С начала работы семинара до октября 1996 г. было проведено в общей сложности 42 заседания, на которых с докладами выступали российские и зарубежные лингвисты. Краткую информацию о работе семинара можно найти в [ВМУ 1995; 1996]. Должен выйти из печати I том "Трудов аспектологического семинара МГУ".

² Это А. Богуславский (Польша), А.В. Бондарко (Санкт-Петербург), Т.В. Булыгина (Москва), В.Г. Гак (Москва), Р. Гжегорчикова (Польша), М.Я. Гловинская (Москва), В.В. Гуревич (Москва), Р. Гусман Тирадо (Испания), Ж. Дюрен (Франция), Анна А. Зализняк (Москва), А.А. Караванов (Москва), К. Ласорса-Сьедина (Италия), Ф. Леман (Германия), А.М. Ломов (Воронеж), Л. Лоннгрен (Норвегия), Ж. Мартиновский (Франция), Х.Р. Мелиг (Германия), Дж.Э. Миллер (Великобритания), А. Мустайоки (Финляндия), Я. Паневова (Чехия), В.А. Плунгян (Москва), З.Д. Попова (Воронеж), А. Спенсер (Великобритания), Ч. Таунсенд (США), А. Тимберлейк (США), Х. Томмола (Финляндия), Ф. Фичи-Джусти (Италия), В.С. Храковский (Санкт-Петербург), К. Чвани (США), М.Ю. Черткова (Москва), И.Б. Шатуновский (Дубна), Л. Ясаи (Венгрия). Кроме того, было прислано два коллективных ответа, один из которых составлен участниками лингвистического семинара Стокгольмского университета под руководством проф. Б. Нильссон, а второй подготовлен совместно Е.С. Кубряковой и Е.В. Петрухиной (Москва).

от того, как был истолкован вопрос: в более общем смысле *"почему не удается дать адекватного научного описания категории вида в славянских языках?"* либо в более конкретном смысле *"почему нет единого для всех славянских языков описания категории вида?"*

В ответах тех, кто придерживался более широкой интерпретации, приводятся различные причины, которые можно условно назвать объективными и субъективными.

К **объективным** можно отнести причины, связанные со сложностью реального устройства категории вида, а именно: сложность содержательного устройства и сложность формального устройства.

На сложность **содержательного** устройства категории вида указано в ответе Стокгольмского семинара. Другие отвечавшие дополнительно называли наиболее вероятные причины такой содержательной сложности, прежде всего взаимодействие разноуровневых факторов, определяющих употребление того или иного вида (А.В. Бондарко, Е.Г. Борисова, Т.В. Булыгина, В.В. Гуревич, Р. Гусман Тирадо, Ф. Леман, Х.Р. Мелиг, Я. Паневова, А. Спенсер, А. Тимберлейк, Ф. Фичи-Джусти, И.Б. Шатуновский). В свою очередь, специфику такого взаимодействия в славянских языках А.В. Бондарко, Е.Г. Борисова, Анна А. Зализняк, В.А. Плунгян видят в облигаторном характере славянского вида, что ведет к существенному усложнению правил выбора видовых форм и к увеличению их неоднородности. В.А. Плунгян, кроме того, отмечает, что дополнительные трудности создает бинарный характер видовой оппозиции: весь спектр видовой семантики приходится распределять лишь между двумя граммемами.

Среди взаимодействующих разноуровневых факторов, определяющих употребление того или иного вида, в анкетах выделяются в порядке частотности упоминания следующие:

а) влияние лексической семантики глагола (включая словообразовательную семантику аффиксов) на видовое значение (А.В. Бондарко, М.Я. Гловинская, В.В. Гуревич, Р. Гусман Тирадо, Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина, Ф. Леман, Х.Р. Мелиг, А. Мустайоки, Ф. Фичи-Джусти, И.Б. Шатуновский, Л. Ясаи);

б) влияние (коммуникативного) статуса ситуации, описываемой глаголом, на употребление видов (А.В. Бондарко, В.В. Гуревич, Ф. Леман, А.М. Ломов, Х.Р. Мелиг, А. Спенсер, А. Тимберлейк, И.Б. Шатуновский);

в) влияние грамматических категорий времени и наклонения на употребление видов (В.В. Гуревич, Ф. Леман, А.М. Ломов, Х.Р. Мелиг, Я. Паневова, А. Тимберлейк, И.Б. Шатуновский);

г) влияние семантики контекстного окружения глагола (В.В. Гуревич, И.Б. Шатуновский);

д) влияние статуса аргументов предиката (Х.Р. Мелиг);

е) влияние синтаксических факторов на употребление видов (Ф. Фичи-Джусти);

ж) влияние "готовых" и "пережиточных" употреблений в использовании вида (А. Мустайоки).

Сложность **формального** устройства категории вида сводится преимущественно к неединообразию и нерегулярности видового противопоставления глаголов в плане выражения (Е.Г. Борисова, Р. Гусман Тирадо, Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина, В.А. Плунгян, Х. Томмола, Л. Ясаи), а также к "нежесткости корреляции" между формой и содержанием (В.Г. Гак).

К **субъективным** причинам особой трудности описания категории вида мы сочли возможным отнести то, что вызвано несовершенством существующих теорий. Следует отметить, что в этой части ответы фактически затрагивали и второй вопрос анкеты, касающийся нерешенности аспектологических проблем, неполноты описания вида. Назывались следующие причины:

а) Отсутствие единой теории вида. Речь идет прежде всего, по удачной форму-

лировке Л. Ясаи, об "отсутствии соглашения по принципиальным теоретическим вопросам". Здесь же, в частности, следует назвать такие факторы, как отсутствие единой теории грамматики, естественным следствием чего является и отсутствие единой теории вида (К. Чвани); отсутствие в описании сопоставления с другими, неславянскими языками (К. Ласорса-Сьедина); особая позиция теоретической (и терминологической) русистики (Ж. Дюрен).

б) Разного рода "терминологические" проблемы (см. также ответы на 4 вопроса), в частности, непоследовательное различение значения и формы (А. Мустайоки, Я. Паневова), а также отсутствие упорядоченного общепринятого "метаязыка описания аспектологических систем различных языков" (Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина, Ж. Мартиновский).

в) "неоправданная приверженность давно уже пережившим себя научным представлениям" (А.М. Ломов).

Вторая группа ответов на первый вопрос объединена несколько более узкой его интерпретацией, а именно, "почему нет единого для всех славянских языков описания категории вида?"

В ответе участников Стокгольмского семинара в качестве причины названа нетождественность категории вида в разных славянских языках.

Та же интерпретация встречается и в несколько более "прагматической" постановке: в чем основная трудность описания вида для иностранцев? Ответ – в "невозможности дать единую картину вида с точки зрения славяноговорящего, с одной стороны, с неславяноговорящего – с другой" (А.А. Караванов). Близка к данному мнению точка зрения участников Стокгольмского семинара, считающих самой большой трудностью описания славянского вида "тот простой факт, что в западных языках ... вид как грамматическая категория чаще всего отсутствует". Существование значительных проблем в преподавании вида иностранцам, с одной стороны, является следствием отсутствия адекватной, непротиворечивой теории вида (М.Ю. Черткова), а с другой стороны, связано с отсутствием совершенно необходимой адаптации и корректировки чисто научных выводов для целей преподавания (А.А. Караванов).

2. Какие проблемы описания этой категории вам представляются в настоящее время нерешенными (или решенными не полностью)?

Ответы можно представить в виде списка проблем.

а) "Отсутствие общей теории грамматики, включающей теорию вида как компонент, согласованный с другими компонентами" (К. Чвани).

б) Проблема создания такой "динамической модели", которая способна учесть факты всех языковых уровней, участвующих в формировании видовых значений (А. Тимберлейк). Данную проблему поднимали также в своих ответах А.В. Бондарко, Е.Г. Борисова, Т.В. Булыгина, Ж. Дюрен, Ф. Леман, А.М. Ломов, Х.Р. Мелиг, К. Чвани, М.Ю. Черткова, И.Б. Шатуновский.

В частности, особого внимания требуют следующие межуровневые феномены:

– взаимодействие лексического и видового значений (А.В. Бондарко, Е.Г. Борисова, Р. Гусман Тирадо, Ф. Леман, А. Спенсер, Стокгольмский семинар, Ф. Фичи-Джусти, Л. Ясаи);

– роль синтаксического контекста в описании вида (Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина, Ф. Фичи-Джусти, К. Чвани);

– модусные значения, выражаемые видом (А.А. Караванов).

в) Проблема описания глагольного вида "в ономаσιологическом плане, от значения к форме" (В.Г. Гак).

г) Как традиционные, так и нетрадиционные проблемы "аспектологической дескриптики", в частности, следующие:

– наличие и возможная природа инварианта / общего значения (Р. Гусман Тирадо, А. Спенсер, М.Ю. Черткова);

– наличие видовой парности и ее границы (М.Ю. Черткова, Л. Ясаи); данный вопрос тесно связан также с проблемой соотношения вида и способа действия (М.Ю. Черткова);

– необходимость дальнейшего описания частно-видовых значений и необходимость создания аспектологического словаря русских глаголов (Анна А. Зализняк);

– дальнейший анализ глагольной префиксации (Дж. Миллер, В.А. Плунгян);

– анализ видовых значений в причастных конструкциях (Дж. Миллер) и в формах косвенных наклонений (В.А. Плунгян);

– более полный учет данных о видо-временных системах других славянских языков

– прежде всего, болгарского (Дж. Миллер, Ч. Таунсенд).

д) Проблемы, связанные с описанием славянского вида как частной реализации универсальной категории аспекта.

В ответах указывалось на необходимость более глубокого изучения следующих тем:

– возникновение и развитие вида (Х. Томмола, Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина, М.Ю. Черткова);

– связь вида с универсальным набором способов действия, представленным в частно-видовых значениях (А.В. Бондарко, Е.Г. Борисова, К. Ласорса-Сьедина, А. Мустайоки, Я. Паневова); погружение славянской аспектологической проблематики в более широкий типологический контекст (В.А. Плунгян).

е) В ряде ответов обозначены проблемы, по-видимому, преимущественно методологического характера:

– "решение любой проблемы может быть углублено в свете новых достижений семантики" (М.Я. Гловинская);

– необходимо переходить от описания к объяснению (Ж. Мартиновский, М.Ю. Черткова);

– необходимо также решать проблемы терминологии, четко различая в описании значение и форму (Я. Паневова), разрабатывая метаязык, нормируя терминологию, глубже определяя содержание понятия "вид" (Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина).

3. Какие работы последнего времени в области общей и славянской аспектологии вам представляются наиболее удачными с теоретической точки зрения?

Ответы на данный вопрос были разнородными: назывались отдельные работы тех или иных лингвистов, давалась отсылка к творчеству того или иного автора в целом, упоминались отдельные школы или отдельные теоретические положения. Учитывая, что филологический факультет МГУ планирует опубликовать ответы на вопросы полностью (во II томе "Трудов аспектологического семинара МГУ"), приведем только фамилии наиболее часто упоминавшихся (в той или иной связи) ученых: к ним относятся, что совершенно естественно, прежде всего А.В. Бондарко, М.Я. Гловинская, Е.В. Падучева и Ю.С. Маслов, а также Э. Даль, Б. Комри, М. Кошмидер и О.П. Рассудова; эти авторы упоминаются примерно в равной степени как российскими, так и зарубежными аспектологами. Российские аспектологи часто ссылаются также на работы Ю.Д. Апресяна: их зарубежные коллеги дополнительно отмечают вклад П. Дурста-Андерсена, В. Клейна и К. Смит, работы которых в России пока известны, по-видимому, недостаточно.

4. Удовлетворены ли вы современным состоянием аспектологической терминологии? Если нет, то какие изменения в этой области Вы считали бы необходимыми?

Отвечая на этот вопрос авторы анкет, как правило, не давали категоричного ответа: "да" или "нет". При этом предложения и замечания высказывались независимо от того, удовлетворен ли отвечающий в целом состоянием дел в области терминологии или нет. Таким образом, не наличие замечаний как таковых определяло отношение отвечающих к существующей терминологии (они были у всех ответивших

на данный вопрос). Отношение определялось тем, насколько важными и принципиальными считались имеющиеся недостатки.

В целом, современным состоянием аспектологической терминологии удовлетворены М.Я. Гловинская, Р. Гусман Тирадо, К. Ласорса-Сьедина, Ф. Леман, А.М. Ломов, Дж. Миллер, А. Мустайоки, участники Стокгольмского семинара, А.Тимберлейк, Х. Томмола, Ф. Фичи-Джусти, И.Б. Шатуновский, Л. Ясаи.

С другой стороны, не удовлетворены положением дел в данной области А.В. Бондарко, Т.В. Булыгина, В.В. Гуревич, Ж. Дюрэн, Анна А. Зализняк, А.А. Караванов, Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина, Ж. Мартиновский, Х.Р. Мелиг, Я. Панева, В.А. Плунгян, А. Спенсер, К. Чвани, М.Ю. Черткова.

Доводы первой группы специалистов можно разумировать следующим образом:

- несомненно, путаница существует, но это естественно, поскольку, пока нет какой-либо единой теории, данное положение все равно невозможно поправить (Ж. Мартиновский, Стокгольмский семинар, Х. Томмола, И.Б. Шатуновский);

- существующая терминология в принципе позволяет решать существующие проблемы, и кроме того, все специалисты друг друга так или иначе понимают (А.М. Ломов, Л. Ясаи);

- в конечном итоге терминология вторична, особенно в преподавании (К. Ласорса-Сьедина).

Однако давая положительный в целом ответ, эти авторы высказали и ряд замечаний:

- иногда терминология "корява" в переводах и неудачна в этимологическом плане (А.М. Ломов);

- в принципе существует опасность возникновения невзаимопонимания "отдельных парадигм" (Л. Ясаи).

Многие специалисты, отвечавшие на данный вопрос, высказываются в пользу большей унификации терминологии (А.В. Бондарко, М.Я. Гловинская, А.А. Караванов, Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина, Ф. Леман).

При этом выделяются следующие области первоочередной унификации:

- а) унификация терминологии способов действия (А. Спенсер, Л. Ясаи);

- б) последовательное различие формы и значения (А. Мустайоки, Я. Панева, А.Тимберлейк);

- в) унификация общеморфологических понятий (таких, как оппозиция, маркированность и др.) (К. Чвани);

- г) унификация определения вида (аспекта) (Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина, Дж. Миллер, Ф. Фичи-Джусти, К. Чвани, М.Ю. Черткова);

- д) унификация понятий общей теории аспекта (предельность и т.п.). Следует отметить, что Т.В. Булыгина предлагает ограничить употребление понятия "предельность" или вообще обходиться без него.

Было высказано также мнение о том, что в основе теории вида должны лежать другие термины и понятия, нежели существующие (В.В. Гуревич, Ж. Дюрэн).

Анна А. Зализняк особо отметила недостаточность отражения аспектологической терминологии в существующих лингвистических словарях.

5. Считаете ли вы вид специфически славянским языковым явлением или одной из частных реализаций универсальной категории аспекта?

В ответах было высказано следующее мнение: опираясь на известный тезис, согласно которому все языки описывают одну и ту же действительность, допустимо считать славянский вид частной реализацией универсальной семантической категории аспекта. Славянский вид специфичен прежде всего по форме – как уникальная комбинация на определенном формальном уровне различных семантических аспектуальных подзначений. Данной точки зрения придерживается большинство авторов анкет: А.В. Бондарко, Е.Г. Борисова, Т.В. Булыгина, В.Г. Гак, В.В. Гуревич, Р. Гусман Тирадо, Ж. Дюрэн, Анна А. Зализняк, А.А. Караванов, Е.С. Кубрякова и Е.В. Пет-

рухина, К. Ласорса-Съедина, Ф. Леман, А.М. Ломов, Х.Р. Мелиг, Дж. Миллер, А. Мустайоки, В.А. Плунгян, А. Спенсер, А. Тимберлейк, Х. Томмола, Ф. Фичи-Джусти, К. Чвани, М.Ю. Черткова, И.Б. Шатуновский, Л. Ясаи.

По поводу специфичности вида были высказаны также следующие положения:

а) вид специфичен не только по форме, но и как "идиоэтническая" категория (в смысле Э. Сепира и др.) (А.А. Караванов, Я. Паневова);

б) вид специфичен не только по отношению к неславянским языкам, но и внутри разных славянских языков не тождествен (К. Чвани).

Ряд авторов придерживается, однако, противоположной точки зрения – вид представляет собой специфическое славянское явление (Я. Паневова, З.Д. Попова, Стокгольмский семинар). В ответе участников Стокгольмского семинара эта точка зрения мотивируется тем, что языковые категории следует рассматривать прежде всего в плане формы, а не в универсально-семантическом плане.

Вторая группа вопросов (частные проблемы русской аспектологии)

6. Считаете ли вы более плодотворными описание русского вида прежде всего как "семантической" или прежде всего как "прагматической" категории?

Как чисто семантическую категорию вид рассматривают Р. Гжегорчикова, М.Я. Гловинская, Р. Гусман Тирадо, Ф. Леман, А.М. Ломов, В.А. Плунгян, Ф. Фичи-Джусти, Стокгольмский семинар.

К семантическим категориям, обогащенным прагматическим компонентом, его относят К. Ласорса-Съедина, Л. Лоннгрен. Как уточняют А.В. Бондарко и Л. Ясаи, данный прагматический компонент особенно важен при рассмотрении императива. Т.В. Булыгина, Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина отмечают важность более глубокого изучения вида с точки зрения прагматики.

Семантико-прагматической категорией вид считают А.А. Караванов и И.Б. Шатуновский.

Вид является грамматической категорией, включающей в силу этого, как семантические, так и прагматические компоненты (Ж. Мартиновский, А. Спенсер). Е.Г. Борисова и А. Тимберлейк настаивают на невозможности существования одних компонентов без других.

Я. Паневова и Х. Томмола указывают, что прагматический компонент в целом "не дотягивает" до категориального статуса. Я. Паневова отмечает также неестественность самого противопоставления семантики и прагматики. О несущественности (или вторичности) подобного противопоставления говорится также в ответах А. Мустайоки и В.А. Плунгяна. Сходным образом, Т.В. Булыгина обращает внимание на нечеткость границ между прагматикой и семантикой.

На невозможность (или некорректность) постановки вопроса об (однозначном) отнесении вида к семантическим или прагматическим категориям указали В.В. Гуревич, Ж. Дюрен, Анна А. Зализняк, Дж. Миллер, Я. Паневова, К. Чвани.

7. Как вы определяете место вида в грамматике языка? Считаете ли Вы целесообразным говорить о русском виде как о преимущественно морфологической, синтаксической, лексико-грамматической, словообразовательной категории?

Как чисто морфологическую (или преимущественно морфологическую) категорию предлагают рассматривать вид А.В. Бондарко, Е.Г. Борисова, Т.В. Булыгина, Ж. Дюрен, А.М. Ломов, Х.Р. Мелиг, В.А. Плунгян, А. Спенсер, М.Ю. Черткова, Л. Ясаи.

Лексико-грамматическая трактовка кажется более предпочтительной Р. Гусман Тирадо, Е.С. Кубряковой и Е.В. Петрухиной, Ж. Мартиновскому (который при этом не исключает и других возможностей), Х.Р. Мелигу, участникам Стокгольмского семинара, Х. Томмоле.

В пользу комплексного (а именно, морфо-синтактико-семантического) рассмотрения вида высказываются В.В. Гуревич и К. Чвани, в пользу его грамматической

трактовки (без уточнений) – Анна А. Зализняк и А. Мустайоки. Я. Паневова считает наиболее целесообразным говорить о "лексико-грамматико-морфологической", а Ф. Фичи-Джусты – о "лексико-грамматико-синтаксической" природе вида.

Как считают А.А. Караванов, К. Ласорса-Сьедина и Дж. Миллер, в трактовке вида приемлемы все указанные возможности.

В ответах Р. Гжегорчиковой, Ф. Лемана, Л. Лоннгрена, З.Д. Поповой подчеркивается важность словообразовательных свойств вида; М.Я. Гловинская отмечает промежуточный между словообразованием и словоизменением характер вида.

С другой стороны, на нечеткость предлагаемого разграничения, "ненужность" приписывания феномену вида каких-либо границ указывают А. Тимберлейк и И.Б. Шатуновский.

8. Какова ваша точка зрения на проблему инвариантов видовых значений? Существуют ли такие инварианты; если да, то в каких терминах они могут быть сформулированы?

Как известно, это одна из самых сложных проблем славянской аспектологии; неудивительно, что разброс мнений при ответе на данный вопрос особенно велик.

Из числа лингвистов, не отрицающих существование инварианта, многие склоняются к тому, что в первую очередь надо определять инвариант СВ, который в русском языке, согласно этим исследователям, является маркированным членом привативной видовой оппозиции³. Ключевым понятием для формулировки инварианта СВ при таком понимании природы видовой оппозиции обычно считается "целостность" (Т.В. Булыгина, А.В. Бондарко, Р. Гжегорчикова, А.А. Караванов, Х. Томмола, Л. Ясаи); кроме того, на "предельность" указывают Р. Гусман Тирадо, А.В. Бондарко, Л. Ясаи (наравне с "целостностью"), Х.Р. Мелиг (в оригинале "Begrenzung"), Дж. Миллер (в оригинале "boundedness"; Дж. Миллер называет и семантику "констатации факта"). В.Г. Гак из-за неясности термина предлагает "предельность" закрепить за лексической семантикой глаголов, а для описания семантики вида предлагает использовать термин "лимитативность". В.В. Гуревич считает наиболее релевантным понятие "результативности". В качестве важных дополнительных понятий упоминаются и "однократность" (А.А. Караванов; Р. Гусман-Тирадо).

Ряд аспектологов, оставаясь сторонниками инварианта, настаивают на эквивалентном характере видовой оппозиции и считают в равной степени необходимым формулировать инварианты для обеих видовых граммем.

А. Тимберлейк предлагает в качестве инвариантной характеристики НСВ представление о множестве "эквивалентных фаз действия", тогда как СВ всегда описывает переход от одной фазы к другой, отличной от нее. Близкую точку зрения высказывает И.Б. Шатуновский, квалифицируя НСВ как обозначение "одного и того же положения вещей", а СВ – как обозначение последовательности "сменяющих друг друга различных ситуаций"; сходная формулировка приводится и в ответе Ч. Таунсенда (СВ указывает на "изменение состояния").

М.Ю. Черткова инвариантным признаком НСВ предлагает считать сему "протяженности" (понимаемой широко), а инвариантным признаком СВ – сему "лимитативности"; при этом допускается существование "специфических" инвариантов на разных уровнях описания.

М.Я. Гловинская предлагает смысл "начать" для инварианта СВ, поясняя, что формулировать его лучше на языке семантических толкований. При этом, однако, инварианта для НСВ на данном метаязыке сформулировать не удастся.

А.М. Ломов противопоставляет "лексикографический" и "морфологический" под-

³ Эксплицитно отмечают в своих ответах немаркированность НСВ по сравнению с СВ А.В. Бондарко, В.В. Гуревич, Р. Гусман Тирадо, А.А. Караванов (последний предлагает говорить о "нулевом" значении НСВ).

ходы к инвариантам, предлагая для характеристики инвариантных значений НСВ и СВ соответственно термины "процессность", "кратность" и "результативность".

Ж. Мартиновский отвечает следующим образом: НСВ "указывает на то, что происходит (происходило, будет происходить)", СВ – "на то, что есть или будет".

А. Спенсер предлагает использовать понятия "интервал", "точка во времени", "граница/предел", которые, по его словам, можно "при желании" считать инвариантами.

К. Чвани считает все общие формулировки инвариантов для обоих видов равно уязвимыми с точки зрения фактического материала, однако предлагает все же искать инварианты для отдельных семантических составляющих каждого вида.

А. Богуславский, Анна А. Зализняк, Ф. Фичи-Джуси представили ответы в виде ссылок на работы: А. Богуславский – на свою, Анна А. Зализняк – на работу Е.В. Падучевой (на эту работу ссылается и Ж. Мартиновский, упоминая проблему общефактического значения НСВ), при этом отмечая, что вопрос о существовании инварианта видов "вечный", Ф. Фичи-Джуси упоминает гипотезу А.В. Исаченко о "разобщенности" и "неразобщенности" действия с актом речи.

Л. Лоннгрэн считает "трудным" вопрос о формулировке инвариантов, особо оговаривая, что "при описании категории вида следует опираться на лексико-семантическую классификацию глаголов, а также различать отдельные значения видов".

Более скептически относятся к идее инварианта Е.Г. Борисова, Ж. Дюрэн, Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина, Ф. Леман, Я. Паневова, В.А. Плунгян, З.Д. Попова, участники Стокгольмского семинара. Часть исследователей предлагает для описания видовой полисемии альтернативный теоретический аппарат. Так, Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина считают целесообразным описывать "естественную категоризацию его [вида] членов на основе теории прототипов и понятия семейного сходства (по Витгенштейну);" Я. Паневова высказывается в пользу "различения первичных и вторичных функций" (по Куриловичу). Ж. Дюрэн отрицательное отношение к гипотезе инварианта обосновывает "фрактальной" трактовкой языка, «любая единица которого меняет свое значение в зависимости от того, в какой из "сфер познания" она выступает».

Е.Г. Борисова полагает, что "о категории вида нужно сказать, *что* он передает. При таком подходе нет необходимости рассматривать видовые инварианты как общие для всех употреблений одного вида смыслы (как это можно сделать с инвариантом слова)".

На трудность согласования существующих гипотез о видовом инварианте со всей совокупностью имеющихся фактов указано в ответах В.А. Плунгяна, Стокгольмского семинара (сходные соображения содержались и в ответе К. Чвани, отнесенном нами к предыдущей группе). Ф. Леман в связи с этим замечает, что если по отношению к глаголам СВ еще можно говорить об исходно "немаркированном" (default) значении (при отсутствии искажающих контекстных влияний), то у НСВ нет даже такого типа значений.

9. Является ли, с вашей точки зрения, категория вида словоизменятельной (подобно, например, падежу) или словоклассифицирующей (подобно, например, грамматическому роду у существительных)?

Словоклассифицирующей категорией считают вид А.В. Бондарко, Г. Гжегорчикова, Р. Гусман Тирадо, Анна А. Зализняк, Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина, Ф. Леман, В.А. Плунгян, участники Стокгольмского семинара. Ф. Фичи-Джуси отмечает "скорее словоклассифицирующий" характер вида.

Словоизменятельной категорией считают вид А. Богуславский, В.Г. Гак, В.В. Гуревич, А.А. Караванов, Х.Р. Мелиг, Я. Паневова; при этом А.А. Караванов и Я. Паневова специально отмечают несходство между категориями вида и падежа. С другой стороны, на глубокое внутреннее сходство между видом и грамматическим числом

существительных указывают Т.В. Булыгина и К. Чвани (не давая, однако, прямого ответа на вопрос).

Категорией, в целом промежуточной между словообразованием и словоизменением, считают вид Е.Г. Борисова, М.Я. Гловинская, К. Ласорса-Съедина, А.М. Ломов, Л. Лоннгрэн, Ж. Мартиновский, А. Мустайоки, А. Спенсер, И.Б. Шатуновский, Л. Ясаи. М.Ю. Черткова называет вид "уникальным сплавом, своеобразной словоизменительно-словоклассифицирующей категорией", сопоставляя вид, в частности, с явлением супплетивизма в числовых формах существительных.

А. Тимберлейк указывает на неважность отнесения вида к одной из предложенных разновидностей, так как вид "всегда нарушает границы, навязываемые ему". Сходным образом высказывается и Ж. Дюрэн ("вопрос довольно пустой, неинтересный").

Х. Томмола отмечает недостаточность предложенной дихотомии для характеристики вида, а З.Д. Попова отрицает грамматический характер вида, высказываясь в пользу его словообразовательной трактовки.

10. Как вы оцениваете, в связи с предыдущим вопросом, проблему видовой парности? В частности, считаете ли, вы видовую дефектность системным или маргинальным явлением в славянских языках? Можно ли, на ваш взгляд, считать (чисто) видовыми все или некоторые из следующих пар однокоренных русских глаголов: видеть—увидеть, гулять—погулять, есть—поесть, идти—пойти, кричать—закричать, петь—пропеть, прыгать—прыгнуть?

Ответы на этот вопрос целесообразно разделить на две части: мнения по поводу видовой дефектности в целом и оценка конкретных предложенных глаголов с этой точки зрения.

В целом видовую дефектность считают системным (скорее системным, не маргинальным) явлением А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.В. Гуревич, А.А. Караванов, А.М. Ломов, В.А. Плунгян, Стокгольмский семинар, Х. Томмола, Л. Ясаи. В ответе Стокгольмского семинара особо оговаривается, что "чистые" видовые оппозиции относятся лишь к одной сравнительно узкой семантической подгруппе, и именно в этом смысле "дефектные зоны" вида имеют системный характер. В ответах приводятся, естественно, и различные обоснования этого утверждения. Так, В.Г. Гак говорит о "неизбежности" видовой дефектности в силу тесной связанности семантики вида и лексической семантики глагола; сходные утверждения делают также А.А. Караванов и В.А. Плунгян. З.Д. Попова настаивает на естественности видовой дефектности в связи со словообразовательным статусом вида (ср. выше ответы на наши вопросы 7 и 9).

Л. Лоннгрэн считает видовую дефектность "более распространенным явлением, чем считалось раньше".

Т.В. Булыгина считает видовую дефектность в большинстве случаев "семантически мотивированной", связанной с "принципиальной неквантифицируемостью соответствующей ситуации" (аналогично числовой дефектности у слов типа *сливки*); в других случаях можно говорить лишь о случайных пробелах, объясняющихся, в частности, морфонологическими причинами (ср. отсутствие коррелята НСВ у глагола *умчать* или *очутиться*).

Сходную позицию занимает Анна А. Зализняк, которая предлагает различать два типа видовой дефектности: дефектность как маргинальное явление, "своего рода морфологический каприз" для глаголов *perfectiva tantum* и системную дефектность для глаголов *imperfectiva tantum*, которая в этом случае "обусловлена природой обозначаемых этими глаголами положений дел (процессов или состояний, но не событий)".

Напротив, в целом маргинальным (или скорее маргинальным) явлением считают видовую дефектность Р. Гусман Тирадо, К. Ласорса-Съедина, Ф. Леман, Я. Паневова. М.Ю. Черткова, Ф. Леман дополнительно замечает, что видовая дефектность должна признаваться периферийной, если рассматривать вид как грамматическую категорию,

М.Ю. Черткова – что тенденция развития категории вида состоит во все большем вовлечении глаголов в образование видовых пар и в сокращении, таким образом, числа дефектных глаголов.

Интерпретации предложенных нами пар глаголов оказались на удивление разнородными, что, быть может, наиболее наглядно свидетельствует о степени существующих разногласий среди аспектологов.

Прежде всего, ряд исследователей вообще отказался от предложенной формулировки вопроса, выразив несогласие с самим понятием видовой пары (Ф. Фичи-Джуги) или указав на сложный характер проблемы, решение которой зависит от слишком многих разнородных факторов (Ж. Дюрэн, А. Мустайоки, Стокгольмский семинар, Х. Томмола, И.Б. Шатуновский; в некоторой степени также К. Чвани).

Участники Стокгольмского семинара, в частности, обращают внимание на то, что в видовых парах один из глаголов (в особенности, префиксальный дериват) часто полисемантивен, тем не менее в словаре Ожегова большинство приводимых в нашем вопросе пар трактуются как видовые.

Р. Гусман Тирадо отмечает, что лишь "некоторые" из предложенных пар можно считать видовыми, без дальнейших уточнений.

Не считают видовой ни одну из предложенных пар А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Л. Лоннгрэн, В.А. Плунгян, Л. Ясаи (большинство ответивших при этом особо оговаривают, что такая интерпретация имеет место при предельно "узком" понимании видовой парности; В.А. Плунгян и Л. Ясаи не исключают другой трактовки при более "широком" понимании парности).

Не считают видовыми большинство из предложенных пар А.М. Ломов, Х.Р. Мелиг и Дж. Миллер, Х.Р. Мелиг допускает трактовку пары *прыгать – прыгнуть* как видовой только при условии "гетерогенной", а не "гомогенной" интерпретации соответствующей ситуации (*прыгать через забор*). Для остальных пар он (как и Л. Лоннгрэн) использует термин Aktionsart. Сходным образом, А.М. Ломов утверждает, что *видеть – увидеть* и *прыгать – прыгнуть* могут считаться видовыми парами только при условии, что это "тождественные лексико-семантические варианты" (*он открывает глаза и видит – он открыл глаза и увидел; она подходит к берегу и прыгает – она подошла к берегу и прыгнула*), остальные пары – не чистовидовые. Дж. Миллер "не уверен" по поводу *прыгать – прыгнуть*, остальные пары – не видовые (*увидеть – инхотатив; закричать – ингрессив*).

С другой стороны, считают (чисто?) видовыми все предложенные пары Ж. Мартиновский ("любой глагол НСВ в паре с любым глаголом СВ"), а также, фактически, Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина (кроме *петь – пропеть*) и Ф. Леман, отмечающий лишь "нестандартность" пар *петь – пропеть* и *кричать – закричать*.

Ряд исследователей не дают эксплицитного ответа по поводу всех приводимых глаголов, а приводят лишь отдельные соображения по поводу некоторых пар. Р. Гжегорчикова отмечает "нестандартный" характер пары *гулять – погулять*; А. Тимберлейк – пар *видеть – увидеть* и *кричать – закричать*.

Ответы остальных аспектологов (занимающих в целом более компромиссные позиции) удобнее расположить по парам конкретных глаголов, так как они содержат эксплицитные "да" и "нет" (но в разных случаях разные).

Пару *видеть – увидеть* согласны считать видовой Т.В. Булыгина, Е.Г. Борисова, М.Я. Гловинская, В.В. Гуревич, Анна А. Зализняк, А.А. Караванов, К. Ласорса-Сьедина, Я. Панёнова, З.Д. Попова, М.Ю. Черткова.

Пару *гулять – погулять* не считают видовой Т.В. Булыгина, М.Я. Гловинская, В.В. Гуревич, К. Ласорса-Сьедина, З.Д. Попова, А. Спенсер. Напротив, видовой считают ее Е.Г. Борисова, Я. Панёнова и М.Ю. Черткова. Наконец, Анна А. Зализняк и А.А. Караванов считают возможными – в зависимости от контекстной интерпретации – оба решения.

Пару *есть – поесть* не считают видовой М.Я. Гловинская, В.В. Гуревич, А.А. Ка-

раванов, Я. Паневова, З.Д. Попова, А. Спенсер. С другой стороны, Е.Г. Борисова ("скорее всего") и К. Ласорса-Сьедина (также не с полной уверенностью) высказываются в пользу признания ее видовой. Т.В. Булыгина и Анна А. Зализняк, как и в предыдущем случае, считают возможными обе интерпретации, в зависимости от контекста. В пользу видового характера этой пары однозначно высказывается М.Ю. Чертова.

Пару *идти* – *пойти* не считают видовой Е.Г. Борисова, М.Я. Гловинская, К. Ласорса-Сьедина, З.Д. Попова; противоположного решения придерживаются Т.В. Булыгина, В.В. Гуревич, Анна А. Зализняк, А.А. Караванов. Я. Паневова.

Пару *кричать* – *закричать* не считают видовой Е.Г. Борисова, М.Я. Гловинская, К. Ласорса-Сьедина, З.Д. Попова; видовой эту пару считают Т.В. Булыгина, Анна А. Зализняк, А.А. Караванов, Я. Паневова (с оговорками).

Пару *петь* – *пропеть* не считают видовой М.Я. Гловинская, Анна А. Зализняк, А.А. Караванов, Я. Паневова. В пользу ее видового характера однозначно не высказывается никто, но Т.В. Булыгина, В.В. Гуревич, К. Ласорса-Сьедина допускают возможность такой интерпретации.

Пару *прыгать* – *прыгнуть* не считает видовой (помимо упомянутых в самом начале лингвистов) только М.Я. Гловинская. При этом Т.В. Булыгина, Анна А. Зализняк и А.А. Караванов специально отмечают возможность применения для этой пары "критерия Маслова" (с положительным результатом). В.С. Храковский специально посвящает несколько страниц текста обстоятельной аргументации в пользу видового характера именно этой пары.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ВМУ 1995; 1996 – Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология – 1995, № 4; 1996, № 5.